

DOI 10.25587/SVFU.2018.9.11687
УДК 398.22(=221.18=161.1):392.89

Т. В. Тадевосян

Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И КАННИБАЛИЗМ (на материале нартского эпоса и русских былин)

Аннотация. В статье рассматриваются отголоски человеческих жертвоприношений и каннибализма в эпических произведениях на примере осетинских нартских сказаний и русских былин. В рамках статьи осуществляется сравнительно-сопоставительный и типологический анализ традиционных эпических сказаний осетинского и русского народов. В частности, жертвоприношения на материале нартского эпоса и русских былин рассматриваются в связи с симпатической магией и тотемизмом (переходом «душевной субстанции» от мертвого к живому), экзоканнибализмом, поеданием сердца и печени, инфантицидом, обрядами побратимства, поглощением крови жертвы, отрубанием головы и части тела (например, правой руки).

Целью статьи является выявление традиций человеческих жертвоприношений и отголосков каннибализма в нартском эпосе и русских былинах.

Предметом исследования послужила интегральная модель семантических параллелей русского и осетинского нартского эпосов, в рамках которых прослеживается генезис и позднейшие модификации фольклорно-мифологических архетипов. Древнейшая культура, воспринятая в семантическом и аксиологическом аспектах, составляет целостную «культурную память» в единой метасистеме «миф – фольклор – литература».

На протяжении различных эпох происходил тесный контакт сначала между праславянскими и североиранскими этносами, а затем – между восточными славянами и скифо-сармато-аланскими народами. Этим объясняются наличие аналогичных мифологических персонажей и генетическая связь мотивов, зафиксированных в славянской и скифо-осетинской традициях.

Основное ядро былин, по всей вероятности, сформировалось в VIII-X вв. в Южной Руси – в районах Причерноморья и Приазовья, именно там, где в областях компактного проживания и наблюдались близкие взаимоотношения с наследниками скифо-сармато-аланской культуры. На юге Руси еще долго сохранялись древние эпические сказания, восходящие к скифскому времени.

Основными источниками являются Онежские былины, собранные А. П. Гильфердингом на русском Севере, и корпус осетинских нартских сказаний, в т. ч. и на дигорском диалекте.

Ключевые слова: Алеша Попович, Батрадз, былины, Добрыня Никитич, Дунай, Илья Муромец, нартский эпос, Полкан, ритуальный каннибализм, скифы, Сырдон, человеческие жертвоприношения.

Т. V. Tadevosyan

Human sacrifices and cannibalism (on the material of the Nart epic and Russian bylinas)

Abstract. The article reviews the echoes of human sacrifice and cannibalism in epic works on the example of Ossetian Nart epic and Russian bylinas. A relatively comparative analysis of the ritual-ceremonial side of the traditions of the Scythians (ancestors of Ossetians), Ossetians and Slavs is carried out. In particular, the sacrifices on the material of the Nart epic and Russian bylinas are considered in connection with sympathetic magic and totemism (the transition of “spiritual substance” from the dead to the alive), exocannibalism, eating heart and liver, infanticide, twinning ceremonies, absorbing the victim’s blood, chopping off the head and parts of the body (for example, the right hand).

ТАДЕВОСЯН Тадевос Вруйрович – к. филол. н., доцент каф. русского языка и каф. литературы Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна, Ванадзор, Армения.

E-mail: tadevosyan@yandex.ru

ТАДЕВОСЯН Тадевос Вруйрович – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Department of Literature, Vanadzor State University named after H. Tumanyan, Vanadzor, Armenia.

E-mail: tadevosyan@yandex.ru

The purpose of the article is to identify the traditions of human sacrifices and echoes of cannibalism in the Nart epic and Russian bylinas. Within the framework of the article, a comparative analysis of the traditional epic of the Ossetian and Russian peoples is carried out.

The subject of the study was the integral model of the semantic parallels between the Russian and Ossetian Nart epics, within which the genesis and later modifications of folklore-mythological archetypes are traced. The oldest culture, perceived in the semantic and axiological aspects, constitutes an integral "cultural memory" in a single metasystem "myth – folklore – literature".

During the various epochs, close contact was first between the Proto-Slavic and North Iranian ethnic groups, and then between the Eastern Slavs and the Scytho-Sarmatian-Alanic peoples. This explains the presence of similar mythological characters and the genetic connection of motives fixed in the Slavic and Scythian-Ossetian traditions.

The main core of the bylinas, in all probability, was formed in the VIII-X centuries in Southern Russia – in the Black Sea and the Sea of Azov regions, precisely where the close relations with the heirs of the Scytho-Sarmatian-Alanian culture were observed in the areas of compact residence. In the south of Russia ancient epic tales, dating back to the Scythian time, were preserved for a long time.

The main sources are the Onega bylinas, collected by A. P. Gilferding in the Russian North, and the body of the Ossetian Nart epic, including the Digor dialect.

Keywords: Alyosha Popovich, Batradz, bylinas, Dobrynya Nikitich, Danube, Ilya Muromets, Nart epic, Polkan, ritual cannibalism, Scythians, Syrdon, human sacrifices.

Введение

В контексте интересующей нас темы, прежде всего, стоит отметить труды Л. Ф. Воеводского, М. Элиаде, Л. Д. Каневского и др.

Л. Ф. Воеводский обращался к вопросу человеческих жертвоприношений и каннибализма на материале древнегреческих мифов. Его интересовала этическая сторона проблемы, а также различные теории происхождения этих явлений.

По мнению М. Элиаде, человеческие жертвоприношения и каннибализм являются типом поведения, основанным на мифологическом мировосприятии. Фактически, он возводит данный ритуал и соответствующую практику к религиозным культам, что является достаточно спорным: вряд ли все народы, у которых сохранился подобный опыт, имели развитую теологическую систему.

С точки же зрения Л. Д. Каневского, человеческие жертвоприношения и каннибализм имеют символические истоки, т. е. человек поедал других людей ради приобретения всех тех незаменимых качеств, которыми обладала жертва.

В архаических обществах стабильные и комплиментарные взаимоотношения людей со сверхъестественным миром обеспечивали жертвоприношения, среди которых выделялись человеческие жертвоприношения, являющиеся высшим ритуальным актом.

М. Элиаде отмечает: «Человеческое жертвоприношение засвидетельствовано в истории религий как у палеоземледельцев, так и у народов на более высокой ступени развития <...>. Эта жертва приносится по ряду причин: ради обеспечения плодородия полей (ср. знаменитый пример кондов в Индии); ради поддержания жизни богов (как у ацтеков); для установления контактов с легендарными предками и недавно умершими родственниками; наконец, с целью повторения первоначальной жертвы, отраженной в мифе, что, в свою очередь, должно обеспечить продолжение жизни» [1, с. 123].

Человеческим жертвоприношениям, как правило, сопутствовал каннибализм. Как указывает Л. Ф. Воеводский: «Вопрос о существовании и распространенности каннибализма в древности связан теснейшим образом с некоторыми другими вопросами, особенно с вопросом о значении так называемых человеческих жертвоприношений, которые <...> существовали у всех, хоть мало-мальски известных народов древности» [2, с. 159].

Религиозно-мистические принципы возникновения каннибализма очевидны, поэтому любой каннибализм следует рассматривать как ритуальный. Человеческие жертвоприношения были известны всем индоевропейским народам. В контексте нашего исследования особый интерес представляет обрядовая практика человеческих жертвоприношений у предков осетин – скифов – и славян.

Каннибализм, прежде всего, связан с симпатической магией и тотемизмом. С одной стороны, достоинства жертвы переходят в антропофага, а с другой стороны – многочисленные сюжеты поедания тела божества (теофагия), связанные с тотемическим культом, представляют собой формулы причащения телом тотема – родоначальника клана (бога, царя, вождя) после принесения его в жертву. С теофагией связана и традиция поедания стариков: умерший предок становится богом. По Геродоту, скифы и их соседи массагеты приносили в жертву и съедали стариков своего племени [3, с. 79].

Принесение в жертву людей и антропофагия на материале нартского эпоса

В осетинском эпосе нарты оскорбляют, унижают и пытаются умертвить старых Урызмага и Уархага. В. И. Абаев выводит имя Уархага из общеиндоевропейского корня **wlko-* со значением «волк» [4, с. 325], что полностью согласуется с гипотезой В. В. Иванова и В. Н. Топорова, согласно которой: «... мотив расчленения персонажа с именем **Uel-* (и некоторыми другими именами), в результате которого по-новому организуется космос и достигается гармония, продолжается в ритуале человеческого жертвоприношения» [5, с. 532]. Фактически, Уархаг был тем тотемным первопредком, которого приносили в жертву и поедали в акте теофагии. С тотемизмом связан и практиковавшийся в древности инфантицид (жертвоприношение детей): ребенок мог относиться к другим, нежели родители, тотемам – в зависимости от тотемно-семейного распределения в данном коллективе.

Жертвоприношение предполагает совместную трапезу с богами или предками. Поедание плоти во время этой трапезы имеет целью овладеть энергией, заключенной в жертве. По этому поводу Л. Д. Каневский замечает: «Самое главное и самое универсальное в этих религиозно-магических поверьях заключается в том, что, по убеждению этих людей, человек, который съел хотя бы часть тела другого представителя человеческой расы, приобретает те или иные его качества. Это переход “душевной субстанции”, или “жизненной силы”, от одного к другому, от мертвого к живому» [6, с. 19].

Человеческие жертвоприношения древние скифы приносили богу войны. К сожалению, имя скифского бога войны до нас дошло только в греческой форме – Арес, хотя его эквивалентом по праву можно считать нартского Батрадза. «Батрадз – грозовой бог, скифский Арес, ритуал поклонения его кумиру – железному мечу – сопровождался обильными жертвоприношениями» [7]. В. И. Абаев так описывает этот обряд: «Человеческое жертвоприношение совершается следующим образом: из числа пленных отбирают каждого сотого и отсекают у него правое плечо вместе с рукой» [8, с. 20].

Отголоски этого ритуала сохранились в нартском эпосе. Батрадз мстит за кровь отца, отсекая правую руку Сайнаг-алдара. Л. А. Чибиров так комментирует этот эпизод: «После отсечения головы убийцы его отца, Сайнаг-алдара, нарт Батрадз отрубил его правую руку и захватил с собой, чтобы нарты поверили ему». Далее Л. А. Чибиров продолжает: «Отпросившись из загробного царства, он [Батрадз] победил Сослана и отрубил его правую руку. На эту тему есть в эпосе и заклинания. Сослан говорит: «Пусть бы нарты съели мою правую руку» [9, с. 221]. В «Сказании о плешивом Чегерико» главный герой отрубает голову Черного Албага, наполняет кровью самодельный сосуд из мочевого пузыря, затем отсекает правую руку и возвращается домой. Дома Чегерико обращается к матери: «Теперь я убил убийцу моего отца и можешь умыться его кровью, и сними свой траур, а потом можешь себя насытить мясом его руки» [10, с. 410].

Антропофагии предшествовала борьба и уничтожение врагов. Поедая воина, человек приобретает его свойства, но на определенном этапе развития общества происходит своеобразное «гуманистическое» замещение этой модели: достаточно было сохранить череп или скальп в виде фетиша. Утверждая, что данный обряд широко практиковался у скифов, С. А. Токарев отмечает: «Разновидностью обычая приносить богам в жертву людей можно считать подношение божеству скальпа убитого врага» [11, с. 596].

В нартском эпосе ненавистник нартвов Елой Елынаы отрубает голову нарта Бзара и хранит ее в своем склепе. Сослан шьет шубу из скальпов, убивает уаига Елтагана, чтобы из его скальпа с золотистыми волосами сшить воротник для шубы. Примечательно, что в чеченском варианте эпоса женщина нартка Белши стаскивает с головы людей скальпы.

Отголоски человеческих жертвоприношений в русских былинах

В русских былинах Илья Муромец и Алеша Попович часто отрубают голову врага, насаживают ее на копье и приносят князю или на заставу, а обезглавленное тело разрубая на части и разбрасывают по полю. У Чурилы Пленковича во дворе стоят колья с отрубленными головами. Двор Маринки Кайдаловны окружен железным тыном с насаженными на него человеческими головами. Булатный тын с головами богатырскими есть и в ограде Соловья Разбойника. Известные археологи И. П. Русанова и Б. А. Тимошук отмечают: «Культ головы был распространен у разных народов на протяжении долгого времени. Сохранивший голову умершего, по поверьям, получает власть над ним, приобретает его жизненную силу» [12, с. 135]. Охота за головами становится формой символического каннибализма.

Рис. 1. Полкан-богатырь (Художник К. Кунщиков, 2000 г.)

По поводу человеческих жертвоприношений у славян те же авторы сообщают: «Совершались жертвоприношения в Киеве на холме вне двора теремного, где стояли кумиры, поставленные при князе Владимире» [12, с. 127]. Любопытно, что князь Владимир, заняв престол в Киеве, первым делом принес человеческие жертвоприношения языческим богам. Жертвами стали христиане-мученики: Федор-варяг и его сын Иоанн. Следы ритуала человеческих жертвоприношений сохранились до сих пор в виде уничтожения чучел или кукол во время похорон Костромы, проводов Масленицы и т. д.

В акте ритуальной антропофагии предпочитались, прежде всего, сердце и печень. По древним представлениям, сердце и печень – средоточия души. Съедали сердце и печень, чтобы узнать тайные побуждения его души и не дать ему воскреснуть. Может быть, именно подобная специфика древнеславянских ритуалов дала основание Геродоту утверждать, что к северу от скифов живет народ людоедов – андрофаги.

В былинах победитель часто вынимает у противника его сердце и печень. Ср.: в адыгском нартском сказании «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы» к истязаемому герою –

Налетает хищник на тхамadu нартow,
Разрывает клювом грудь богатыря,
Пьет он кровь из сердца гордого Насрена,
Печень его клювом яростно клюет [13, с. 283].

Добрыня Никитич в былине «Молодец Добрыня губит невинную жену» распарывает грудь жены, чтобы вытащить оттуда «ретиво сердце». В былине об Иване Годиновиче жена богатыря Настасья Дмитриевна с помощью Кащея привязывает мужа к дереву и пытается вырезать у него сердце и печень. По всей вероятности, здесь сохранился глухой отголосок тотемических верований: в условиях экзогамии жена поедает сердце и печень мужа – представителя другого племени (экзоканнибализм). Впрочем, и сам Иван Годинович, одолев Кащея, хочет вытащить из его груди сердце и печень.

В былине о Дунае Ивановиче богатырь в состязании с женой берет лук:

И спускает стрелочку каленую
Во Настасьины белы груди;
Пала Настасья на головушку;
Пластал ён ей груди белы,
Вынимал сердце со печенью [14, с. 567].

В другом варианте Дунай распарывает живот беременной жены – Настасьи королевичны:

А он брал свою да саблю вострую,
Распластал он ей да чрево женское,
Посмотрел-то как у них чадо засеяно [14, с. 511].

Убийство Дунаем беременной жены, ожидающей чудесного младенца с серебряными ножками и золотыми ручками, Д. А. Мачинский считает пережитком жертвоприношения детей (инфантицида) водному божеству – в реки превращаются Дунай и Настасья после смерти [15, с. 157]. Ср.: в нартском эпосе Хамыц в отместку за украденную корову изрубил (т. е. принес в жертву) и сварил в котле сыновей Сырдона, который из костей и сердечных жил сваренных детей изготовил фандыр.

В славянской мифологии морской царь требует постоянных человеческих жертвоприношений. На русском Севере моряки всегда приносили ему жертвы, что отражено, в частности, в былине о Садко. «Жертвоприношение морю, “кормление” моря – старинный новгородский обычай, и не только новгородский: он известен всем народам, жизнь и благополучие которых зависели от моря <...>. Нет никаких сомнений, что приносились даже человеческие жертвы <...>. Чтобы определить, кто должен быть принесен в жертву, Садко прибегает к жребию» [16, с. 100].

В структуре человеческих жертвоприношений и каннибализма важное значение получает поглощение крови жертвы. В крови воплощена жизненная сила человека. «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь» [3, с. 202], – пишет Геродот. В нартском эпосе Харан-Хуаг питается человеческой кровью, а кровь Сослана, перерезанного Колесом Балсага, – еще один отголосок человеческого жертвоприношения – окропляет землю. Батрадз зимой, приняв вид черной лисицы, утаскивает детей под лед реки и там высасывает у них кровь из пяток.

Один из обрядов побратимства, бытовавших и у скифов, и у нартow, приводит Л. А. Чиби-ров: «Надрезав себе пальцы, собирали кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пили из нее» [9, с. 223].

С точки зрения Л. Д. Каневского: «Существует множество вариантов передачи “душевной сущности” от мертвых к живым. Иногда выпивают кровь мертвого, лучше еще теплую. Воины как примитивных, так и более развитых племен довольствовались тем, что слизывали кровь со своего копья, поразившего насмерть врага, или же, что более утонченно, вкушали трапезу после битвы, не отмывая руки от крови» [6, с. 19-20]. По-видимому, с подобной трапезой был связан общинный праздничный пир древних славян – братчина, который сопровождал большинство жертвоприношений и был неоднократно описан в былинах. Такие пиры были широко распространены и у осетин, представляя собой «важнейший религиозный культовый акт общественной и частной жизни <...>. Собрание начинается всегда с молитвы и жертвоприношения духу или святому, праздник которого отмечают» [17, с. 170].

Помимо всего прочего, следует подчеркнуть и сексуально мотивированный каннибализм. Параллелизм эротической и пищевой семантики очевиден – поедают, чтобы полностью соеди-

ниться с объектом любви. По мнению К. А. Богданова: «Людоедство означает нарушение табу, маркирующего границу социального и антисоциального, и вместе с тем напоминает о реальности самого антисоциального. Именно с такой – функциональной – точки зрения каннибализм подобен инцесту – нарушению другого важнейшего для европейского мира табу» [18, с. 249].

Инцест (а также промискуитет) и каннибализм находятся в одном ряду докультурной модели мира, представляя собой «гиперболические формы сексуального союза и потребления пищи» [19, с. 194]. Так, в русских былинах Кашей Бессмертный и Змей Горыныч выступают как людоеды и похитители женщин, которые становятся их наложницами.

Первоначально каннибализм присущ верховным божествам (например, культ Зевса Ликейского, которому приносили человеческие жертвы, сопровождающиеся ритуальной антропофагией), затем каннибализм переходит к низшей иерархии великанов-людоедов и прочих монстров. Ярким примером подобной деиерархизации в русском фольклоре является переход от эпики к сказкам таких мифологических персонажей, как Кашей Бессмертный, Змей Горыныч и т. п.

Великаны-людоеды и прекращение каннибализма

В русской былине «Добрыня и Настасья» Добрыня Никитич встречается с грозной иноземной поленицей, которую никак не может одолеть. По всей вероятности, образ Настасьи по происхождению связан с кавказскими великанами-людоедами – эмегенами, предстающими как в мужском, так и в женском виде. В карачаево-балкарском фольклоре эмегены – смертельные враги нарттов. Будучи крайне тупыми, они могут только пасти коз. Ср.: древнегреческого Диониса в облике козла во время культовых оргий разрывали на части и съедали. В конце концов, нартты истребили уродливых великанов-эмегенов, а Желмауз, невероятно сильная людоедка со стальными зубами, была растерзана собаками нарта Кыйынылы.

Во всех вариантах нартского эпоса великаны-людоеды предстают не слишком умными существами, справиться с которыми можно хитростью. Нарты ведут постоянную борьбу не только с чужеземными захватчиками и злыми силами, но и с гигантскими людоедами. Великаны-иныжи, которые человеческое мясо запивают кровью, главные враги нарттов в адыгском эпосе, и только Саусэрыко удастся их перебить.

Рис. 2. Поход нарттов (Художник А. В. Джанаев, 1977 г.)

Иныжи – адыгский эквивалент осетинских уаигов, с которыми нарты постоянно враждуют. Победителем людоедов часто был герой, наделенный не столько богатырской силой, сколько смекалкой. Так, в сказании «Как Сырдон спас именитых нартов от великанов» нарт Сырдон перехитрил людоедов: сел не на скамью, намазанную клеем, а на бочонок с золой, впитавшей клей. Далее Сырдон освобождает нартов, подбив людоедов на драку между собой, во время которой великаны перебили друг друга. Драку спровоцировал вопрос Сырдона: какой из кузнечных инструментов самый главный? Здесь интересно провести одну параллель с русским эпосом. Богатырь Михайло Потык, заживо погребенный вместе с женой, взял с собой в могилу для борьбы с подземным змеем только кузнечные клещи. По этому поводу Б. А. Рыбаков пишет: «Легенды о змиевых валах и божественном кузнеце, датируемые, примерно, предскифским периодом, повествуют о победе кузнеца над кровожадным змеем-людоедом, единственным оружием кузнеца были кузнечные клещи» [20, с. 403]. Из этого можно сделать вывод, что кузнечные клещи выступают – и буквально, и метафорически – как самое эффективное орудие для борьбы с людоедами.

В целом, можно отметить, что эпические культурные герои окончательно прекращают каннибализм: Батрадз истребляет весь род людоедов, былинный Илья Муромец рассекает кичливого людоеда-обжору – получеловека-полусобаку-полуконя Полкана на две части прямо на пиру – традиционное жертвоприношение во время братчины.

Заключение

Человеческим жертвоприношениям часто сопутствовал каннибализм. Религиозно-мистическими принципами возникновения каннибализма обусловлен подход к его рассматриванию как ритуала. Победа над каннибалами означает преодоление хтонического хаоса и переход к космической гармонии. Чудовища-людоеды, пытающиеся нарушить установленное табу, обречены на гибель, т. к. мифологическое время, в котором они были полноправными владыками, неизбежно сменяется временем героическим со своим новым культурным миропорядком. Не случайно, каннибализм и употребление в пищу крови станут впоследствии первым пищевым запретом в Библии.

Реконструкция архаических обрядов, выраженных в эпических сказаниях, получает особое наполнение с учетом сравнительно-сопоставительного анализа разных этнических традиций. Типологическое исследование ритуально-обрядового каннибализма, который отразился в классических формах эпосов, позволил раскрыть генезис и эволюцию данного сюжета.

В нарративном пространстве как нартского, так и русского эпосов часто прослеживаются сходные мотивы повествования, в частности, мотив каннибализма, который десакрализуется и из религиозного ритуала превращается в символическое действо. Одновременно происходит и деиерархизация ритуала каннибализма, который соотносится уже не с верховными богами, а с представителями низшей демонологии – великанами-людоедами и различными чудовищами.

Религиозно-мифологические воззрения древних скифов и восточных славян реализуются в фольклорных текстах, на которых основывался весь социально-политический уклад жизни этих народов, нашедший свое отражение в нартском эпосе и русских былинах. Дальнейшие исследования параллелей между скифскими религиозными культами и верованиями языческой Руси представляются весьма актуальными и перспективными.

Литература

1. Элиаде М. От Залмоксиса до Чингиз-хана // Кодры (Молдова литературная). № 7. – Кишинев, 1991. – С. 104-135.
2. Воеводский Л. Ф. Каннибализм в греческих мифах. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. – 408 с.
3. Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. – Л.: Наука, 1989. – 325 с.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 527-533.
6. Каневский Л. Д. Каннибализм. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 544 с.
7. Джикаев Ш. Ф. Меч и арфа нартов [Электронный ресурс]. URL: <http://artarv.iriston.com> (дата обращения: 15.02.2018).

8. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2000. – С. 3-42.
9. Чибилов Л. А. Скифский мир и нартский эпос // Дарьял. № 1. – Владикавказ, 2012. – С. 108-229.
10. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005. – 475 с. (на осетинском яз.)
11. Токарев С. А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
12. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. – М.: Ладога-100, 2007. – 304 с.
13. Нарты. Кабардинский эпос. – М.: Художественная литература, 1951. – 502 с.
14. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 736 с.
15. Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. – Л.: Наука, 1981. – С. 110-171.
16. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 603 с.
17. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
18. Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 437 с.
19. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384.
20. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 784 с.

References

1. Jeliade M. *Ot Zalmoksis do Chingiz-hana* [From Zalmoksis to Chingiskhan]. In: *Kodry (Moldova literaturnaja)* [Kodry (Literary Moldova)]. No. 7. Kishinev, 1991, pp. 104-135.
2. Voevodskij L. F. *Kannibalizm v grecheskih mifah* [Cannibalism in Greek Myths]. Saint-Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1874, 408 p.
3. Геродот. *Istorija v devjati knigah* [History in 9 books]. Leningrad, Nauka, 1972, 600 p.
4. Абаев В. И. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. 4* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. 4]. Leningrad, Nauka, 1989, 325 p.
5. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Indoevropejskaja mifologija* [Indo-European Mythology]. In: *Mify narodov mira. T. 1* [Myths of the peoples of the world. Vol. 1]. Moscow, Sov. jenciklopedija, 1980, pp. 527-533.
6. Kanevskij L. D. *Kannibalizm* [Cannibalism]. Moscow, Kron-Press, 1998, 544 p.
7. Dzhikaev Sh. F. *Mech i arfa nartov* [Sword and harp of the Narts] [Web resource]. URL: <http://artarv.iriston.com> (accessed February 15, 2018).
8. Абаев В. И. *Nartovskij jepos osetin* [Narts epic of the Ossetins]. In: *Skazanija o nartah* [Legends of the Narts]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie im. V. Gassieva, 2000, pp. 3-42.
9. Chibirov L. A. *Skifskij mir i nartovskij jepos* [Scythian world and nart epic]. In: *Dar'jal* [Daryal]. No. 1. Vladikavkaz, 2012, pp. 108-229.
10. *Narty. Mifologija i jepos na digorskom jazyke* [Narts. Mythology and epic in Digor language]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie im. V. Gassieva, 2005, 475 p. (In Ossetian lang.)
11. Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat, 1990, 622 p.
12. Rusanova I. P., Timoshuk B. A. *Jazycheskie svjatilishha drevnih slavyan* [Heathen sanctuary of ancient Slavic]. Moscow, Ladoga-100, 2007, 304 p.
13. *Narty. Kabardinskij jepos* [Narts. Kabardian epic]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1951, 502 p.
14. Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 g. T. 1* [Onega bylinas recorded by A. F. Gilferding in summer 1871. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949, 736 p.
15. Machinskij D. A. *"Dunaj" russkogo fol'klora na fone vostochnoslavjanskoi istorii i mifologii* ["Danube" of Russian folklore against the background of East Slavic history and mythology]. In: *Russkij Sever. Problemy jettografii i fol'klora* [Russian North. Problems of ethnography and folklore]. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 110-171.
16. Propp V. Ja. *Russkij geroičeskij jepos* [Russian heroic epic]. Leningrad, Gos. izd-vo hudozh. lit, 1958, 603 p.
17. Djumezil' Zh. *Osetinskij jepos i mifologija* [Ossetian epic and mythology]. Moscow, Nauka, 1976, 276 p.
18. Bogdanov K. A. *Povsednevnost' i mifologija: Issledovanija po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti* [Everyday Life and Mythology: Studies on the Semiotics of Folklore Reality]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2001, 437 p.
19. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Respublika, 1994, 384 p.
20. Rybakov B. A. *Jazychestvo Drevnej Rusi* [Heathenism of the Ancient Russia]. Moscow, Nauka, 1988, 784 p.